

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

1-ТОМ АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Этика эпикурейцев и стоиков

Цель – рассмотрение нравственной философии Античности, в частности, гедонизма Эпикура и этики стоицизма.

План

1. Гедонизм Эпикура.
2. Стоическая этика.

Ключевые слова: теоретический гедонизм, практический аскетизм, счастье, удовольствие, мудрость, «oikeiosis».

Данная лекция посвящена этическим вопросам в философии эпикурейцев и стоиков, рассмотренным Энтони Кенни в восьмой главе его книги.

В период эллинизма этическое начало возобладавало над физикой и метафизикой, именно его голос громче других звучал в философии. Политические вопросы действительно утратили свою актуальность, потому что свободе слова препятствовали присутствие и память о царских гарнизонах, и само собой разумелось, что национальная свобода зависит от бездействия. Славные дни афинского государства остались в прошлом, и философии пришлось столкнуться с невиданным прежде Грецией разрывом между политикой и этикой. Ей предстояло найти образ жизни, одновременно не роняющий достоинство философии и совместимый с политическим бессилием. Поэтому она осознала, что ее задача состоит теперь не в построении справедливого государства, но в воспитании самодостаточного и удовлетворенного индивидуума. Развитие этики протекало теперь в двух противоположных направлениях. Первое следовало примеру Гераклита, Сократа, Антисфена и Диогена и преобразовало кинизм в стоицизм; другое восходило к Демокриту, во многом опиралось на Аристиппа и трансформировало учение киренаиков в школу эпикуреизма. Обе философские попытки преодолеть религиозный и политический упадок брали свое начало в Азии: стоицизм был развитием семитического пантеизма, фатализма и смирения, начало эпикуреизму положили любившие негу греки азиатского побережья. Две наиболее популярные философские системы этого времени – стоицизм и кинизм были по своей сути чужды республиканским идеям. Христианская идеология была подготовлена развитием стоицизма и платоновской философии, греческой мифологии и литературных традиций. То, что в Римской империи утвердилось христианство – новая религия, отрицавшая старую полисную мифологию, было закономерным и необходимым явлением.

Как вдохновить или с помощью страха побудить членов общества на самообладание и самопожертвование, без которых немислимо выживание этого общества? Древняя религия с этой задачей уже не справлялась; древний город–государство больше не поднимал людей на вершины самопожертвования. Образованные греки обращались за ответом не к религии, но к философии; в трудную минуту они спрашивали совета и утешения у философов; они искали в философии некоего мировоззрения, которое придало бы человеческому существованию непреходящее значение и ценность в системе вещей и помогло бы им без ужаса смотреть на непреложность смерти.

Принимая идентификацию высшего добра и высшего удовольствия, Аристотель получает право называться гедонистом: гедонистом очень необычного типа, который находится на достаточно большом расстоянии от самого известного гедониста Древней Греции – Эпикура, – говорит Кенни. Эпикуровское учение о наслаждении менее сложное, и более понятное, чем концепция Аристотеля. Оценивая удовольствие, которое является независимым от ценности деятельности, Эпикур утверждает, что все удовольствия, как таковые, хороши. Его этический гедонизм напоминает учение Демокрита, или диалог Платона «Протагор» больше, чем аристотелевские этические трактаты.

Для Эпикура, удовольствие – это самая последняя точка жизни и критерий добра в выборе. Это то, что не нуждается в аргументации: мы можем ощутить это с помощью интуиции.

«Мы считаем, что удовольствие – это начало и конец благословенной жизни, – говорит Эпикур. – Мы признаем его как наше основное и естественное благо. Удовольствие – это наша отправная точка, когда мы выбираем что-то, или когда избегаем чего-либо, и оно становится нашей целью, когда мы используем его в качестве критерия наших ощущений, и по которому мы судим о каждой хорошей вещи».

Это значит, что удовольствие Эпикура – самое большое добро, а боль – это самое большое зло, и лучше всего пройти мимо удовольствия, если оно приведет к долгосрочному страданию. В равной степени, стоит смириться с болью, если она принесет большее удовольствие в долгосрочной перспективе.

Это значит, что гедонизм Эпикура далек от приглашения вести сладострастную жизнь. Не обильная выпивка и кутеж, не столы, заваленные деликатесами, не беспорядочные отношения между мужчинами и женщинами, приводят к приятной жизни, но трезвость, честь, справедливость и мудрость. Простой вегетарианской диеты и компании нескольких друзей в скромном саду достаточно для эпикурейского счастья.

Что позволяет Эпикуру сочетать теоретический гедонизм с практическим аскетизмом – это его понимание удовольствия как, по сути, удовлетворения желания. Самое сильное и фундаментальное из наших желаний – это стремление к снятию болевого синдрома. Отсюда и отсутствие боли само по себе является фундаментальным удовольствием. Среди наших желаний некоторые естественны, а некоторые бесполезны, и самые важные удовольствия соответствуют естественным желаниям. У нас есть естественные желания устранить болезненные состояния голода, жажды, холода, и удовлетворение этих желаний естественно приятно. Но есть два вида удовольствия, которые Эпикур обозначил техническими терминами, это кинетическое удовольствие утоления жажды и статическое удовольствие, которое происходит, когда жажда утоляется. Оба вида удовольствия естественны: но среди кинетических удовольствий некоторые нужны (удовольствия в еде и питье, которых достаточно, чтобы утолить голод и жажду), а другие не нужны (например, удовольствия гурмана).

Ненужные естественные удовольствия – это просто вариации необходимых естественных удовольствий: голод – лучший соус, поэтому есть простую еду, когда ты голоден, приятнее, чем с роскошью набивать живот после насыщения. Но из всех естественных удовольствий, действительными можно считать статические удовольствия. «Крик тела не быть голодным, не испытывать жажду, не мерзнуть. Если кто не испытывал ни одного из этих состояний, и имеет хорошие надежды не испытывать их никогда, он может соперничать в счастье даже с Зевсом».

Эпикур не был против осуществления ненужных естественных желаний, при условии, что они не навредят, критерием этого, конечно же, является измерение их способности производить боль. Удовольствие, по его словам, можно получить любым желаемым способом, при условии соблюдения закона и конвенции, что никто не пострадает, и без ущерба для необходимых ресурсов.

Эпикур больше критиковал осуществление желаний, которые тщетны: эти желания не являются естественными и, как ненужные естественные желания, не причиняют боль, если не исполняются, например, стремление к богатству, наградам и признанию. Но таковы и желания удовольствия от науки и философии: «Подними парус, – говорит он любимому ученику, – и держись подальше от всей культуры». Аристотель сделал это преимуществом философии, что ее удовольствия, в отличие от удовольствий чувств, не были смешаны с болью. Сейчас это стало причиной уменьшения удовольствий от философии, поскольку нет боли в том, чтобы не быть философом. Для Эпикура разум играет важную роль в счастливой жизни: но его функция заключается в том, чтобы предвидеть и помнить удовольствия органов чувств.

На основании сохранившихся текстов можно судить о гедонизме Эпикура, что он далек от распущенности. Но время от времени Эпикур выражал себя в таких рассуждениях, которые были, возможно, намеренно, шокирующими. «Со своей стороны, я не имею понятия о хорошем, если я уберу удовольствия вкуса и секса, музыки и красоты». «Удовольствия желудка – это начало и корень всего хорошего». Формы самовыражения такие, что они заложили основу для его посмертной репутации гурмана и развратника. Легенда, на самом деле, получила начало при его жизни, когда его ученик, Тимократ, любил рассказывать истории об их полуночных оргиях.

Более серьезная критика была сосредоточена на его учении о том, что добродетель есть средство получения удовольствия. Стоик Клеанф просил своих учеников представлять удовольствие как королеву на троне, окруженную добродетелями. На эпикурейский взгляд на этику, сказал он, это были служанки, полностью посвятившие себя ее службе, время от времени шепчущие предупреждения о неосторожных действиях, вызывающих боль. Эпикурейцы не выступили против этого, Диоген из Эноанты согласился со стоиками, что добродетели являются продуктами счастья, но он отрицал, что они были частью самого счастья. Добродетели были средством, а не целью. «Я принимаю сейчас и навсегда, со всем убеждением, что для всех, будь то грек, или варвар, удовольствие является целью лучшего образа жизни».

В поддержку центральной роли, которую они отводили удовольствию, эпикурейцы утверждали, что, как только каждое животное рождается, оно ищет удовольствия и наслаждается им как величайшим добром, отвергая боль как величайшее зло. Стоик Хрисипп, напротив, утверждал, что первым импульсом животного является не удовольствие, а самосохранение. Сознание начинается с осознания того, что стоики называли, придумав новое слово, конституцией (телосложением). Человек принимает то, что совершенствует конституцию, и отвергает то, что тормозит ее развитие: так, ребенок будет стремиться стоять без поддержки, даже ценой падений и слез. Это стремление к сохранению и прогрессу конституции есть что-то более примитивное, чем стремление к удовольствию, так как оно происходит не только у людей, но и у растений, и у животных. Заботиться о своей собственной конституции – это первый урок природы.

Стоическая этика придает большое значение природе. Хотя Аристотель часто говорил о природе отдельных вещей и видов, именно стоики стали рассматривать природу как единый космический порядок, проявляющийся в структуре и деятельности вещей многообразных видов. Согласно Диогену Лаэртскому, Зенон заявил, что цель жизни – «жить в согласии с природой». Природа учит нас заботиться о себе, так как наша конституция меняется от младенчества через юность к старости; но любовь к себе – это не единственный урок природы. Есть естественный импульс рождения и становления, естественное желание позаботиться о потомстве; так как мы имеем естественную склонность к обучению, у нас есть естественная склонность делиться с другими знаниями, которые мы приобретаем. Эти порывы к принесению пользы тем, кто ближе всего к нам, должны, по мнению стоиков, распространяться по всему миру.

Каждый из нас, по словам Гиерокла, стоика времен Адриана, стоит в центре концентрических кругов. В первой окружности находится мой индивидуальный разум, который содержит мое тело и его потребности. Вторая окружность – это моя ближайшая семья, третья и четвертая – мои родственники. Затем идут круги соседей, на разных расстояниях, плюс круг всех моих сограждан. Самый внешний и самый большой круг включает всю человеческую расу. Если я добродетельный, я постараюсь приблизить эти круги друг к другу, обращаться с кузенами так, как если бы они были моими родными братьями, и постоянно переносить людей из внешних кругов во внутренние.

Стоики придумали специальное слово для подобного процесса: «oikeiosis», буквально «приближение к дому». Стоик, приспособившись к космической природе, делает себе дом в мире, в котором он живет. «Oikeiosis» представляет собой нечто обратное: он делает твой дом домом других людей, взятых в твой внутренний круг. Универсализм впечатляет, но вскоре становятся заметны его ограничения. Нереально думать, что добродетельный человек может одарить таким же вниманием самого далекого иностранца, как свою собственную семью. «Oikeiosis» начинается с дома, и даже в самом первом круге мы больше обеспокоены потерей глаза, чем потерей ногтя. Но если благо «oikeiosis» не универсально единообразное, оно не может служить основой для обязательства одинаково справедливого отношения ко всем людям. Более того, стоики считали, что похвально умереть за свою страну: но это разве не предпочтение внешнего круга к внутреннему?

Космический порядок обеспечивает не только контекст, но и модель этического поведения человека. «Жить в согласии с природой» не означает только «жить в соответствии с человеческой природой». Хрисипп говорит, что мы должны жить так, как учит опыт естественного события, потому что наша индивидуальная природа является частью природы Вселенной.

Иначе говоря, жизнь добродетельного человека будет спокойно бежать под единым движением небес, и нравственный закон внутри будет отражать звездное небо наверху.

Жизнь в согласии с природой была для стоиков эквивалентна жизни согласно добродетели. Их наиболее известным и часто критикуемым нравственным принципом было то, что добродетель необходима и достаточна для счастья. Добродетель была не только конечной целью и высшим благом, но и единственным истинным добром.

Добродетель в концепции стоицизма составляет особый уровень детерминации поведения. Она находится не в ряду тех мотивов (оснований), которые определяют конкретный характер, содержание человеческой деятельности, а расположена за ними и над ними. Она влияет на мотивы надлежащего поведения, но сама от них не зависит. Добродетель – высший уровень детерминации поведения. Это не акт познания, это способ существования. Можно уточнить: способ разумного существования, или способ существования разумного существа, когда оно адекватно обнаруживает себя в своей разумной сущности. Поэтому мудрец может быть счастливым, будучи безобразным и нищим; «ведь не подвержена слабости и непобедима та душа, которую верный разум снабдил твердыми правилами».

Человек – не только отдельное, изолированное существо, но также существо общественное и вместе с тем часть мира, то естественное стремление к самосохранению, изначально движущее его поведение, возвышается до заботы о благе государства и даже до понимания обязанностей отдельного существа по отношению к мировому целому. Поэтом мудрец выше личного блага ставит благо государства и в случае необходимости не колеблется принести ему в жертву даже всю жизнь: он знает и понимает, что в этом случае именно этого требует стремление к самосохранению. Расширяя эту точку зрения за пределы родного полиса, стоики приходили к космополитизму. Оно было воззрением, характерным для гражданина эпохи образования мировой империи, поглотившей Грецию с маленькими полисами. Именно в этом качестве стоицизм перешел в римскую философию.

Стоицизм был благородной философией и оказался более жизнеспособным, чем склонны предполагать современные циники. Он свел воедино все элементы греческой мысли и стал последней попыткой языческого духа создать систему нравственности, приемлемой для тех классов, которые отреклись от древней веры; и хотя высоте его требований отвечало лишь незначительное меньшинство, и это меньшинство повсюду состояло из лучших. Как и его христианские двойники – кальвинизм и пуританство, он призвал к жизни самые могучие характеры своего времени. С теоретической точки зрения, стоицизм представлял собой монструозное учение об изолированном и беспощадном совершенстве. В действительности он создал людей отважных, святых, исполненных доброй воли – таких, как Катон Младший, Эпиктет и Марк Аврелий; он повлиял на римскую юриспруденцию. При построении права народов для не римлян; наконец, он помог сплотить древнее общество до прихода новой веры. Стоики оказали моральную поддержку суеверию и отрицательно повлияли на науку, но они ясно видели коренную проблему своего времени – крушение теологического обоснования морали – и предприняли честную попытку преодолеть разрыв между религией и философией. Эпикур покорил греков, Зенон – римскую аристократию, и до конца языческой истории стоики правили эпикурейцами, как, впрочем, было и будет всегда. Когда из интеллектуального и нравственного хаоса умирающего эллинистического мира возникла новая религия, путь для нее был приготовлен философией, которая признавала необходимость веры, проповедовала аскетическое учение простоты и самоограничения и созерцала все вещи в Боге.

С точки зрения стоиков, счастье заключается в добродетели, и нет таких степеней добродетели, когда человек либо совершенно добродетелен, либо вовсе не добродетелен. Самая совершенная добродетель – это мудрость, и мудрый человек обладает всеми добродетелями. Как Сократ, стоики думали о добродетели как о науке, и все добродетели составляют единую науку, – считает Кенни. Мудрый человек полностью свободен от страсти и обладает всеми стоящими знаниями: добродетель у него такая же, как у Бога.

Мудрый человек богат, и владеет всем, так как он один знает, как правильно и хорошо использовать всё; он один действительно красив, так как лицо ума красивее, чем тело; он один свободен, даже если он в тюрьме, так как он не раб страстей. Неудивительно, после всего этого, что стоики признали, что найти мудреца было труднее, чем феникса. Они, таким образом, покупают неуязвимость счастья только за счет его недостижимости.

Так как мудрого человека не найти, и нет степеней добродетели, вся человеческая раса состоит из дураков. Скажем ли мы тогда, что мудрый человек – это мифический идеал, поддерживаемый нашим восхищением и подражанием? Вряд ли, потому что, сколько бы мы ни продвигались к этой недостижимой цели, мы все еще не приблизились к спасению. Находящийся в двух футах под поверхностью воды тонет так же, как тот, кто в 500 саженей глубоко в океане.

Учение стоиков о мудрости и счастье хоть ненамного подвигает нас в нашем стремлении к добродетели, – говорит Кенни.

Вопросы для закрепления темы

1. Что такое удовольствие, по Эпикуру?
2. Как в философии Эпикура сочетаются теоретический гедонизм и практический аскетизм?
3. Каково самое сильное, фундаментальное желание человека, по Эпикуру?
4. За что гедонизм Эпикура подвергается критике?
5. В чем отличие этических учений эпикурейцев от нравственных концепций стоиков?
6. Как рассматривали стоики природу?
7. Каким понятием стоики описывают процессы передвижения из внешних концентрических кругов во внутренние?
8. В чем заключается счастье, с точки зрения стоиков, и какова самая совершенная добродетель?

Литература

1. Anthony Kenny. Ancient Philosophy: A New History of Western Philosophy, Volume 1.– Oxford University Press. – 2014. – 368 p.
2. Кенни Э. Батыс философиясының жаңа тарихы, 1 том, Антика философиясы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. – 408 б.
3. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Пер. и прим. М. Л. Гаспарова. Общ. ред. и вступ. ст. А. Лосева. (Серия «Философское наследие»). – М., Мысль, 1979. – 624 с.
4. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981.
5. Платон. Диалоги. – М.: Академический проект. – 2017.
6. Adler, M. Aristotle for everybody. Difficult Thought Made Easy. Published June 1st 1997 by Touchstone (first published 1978).
7. <http://acathist.ru/en/novosti/item/501-etika-stoitsizma>